

**Алексей Миллер,
Дмитрий Черный (Ред.)**

Города империи в годы Великой войны и революции

СПб: Нестор-История, 2017

Череда перерастающих одна в другую столетних годовщин, начавшаяся в 2014 году, — от Первой мировой войны до распада Российской империи, революций 1917 года и гражданских войн на постимперском пространстве — стала вызовом не только и не столько для общества, сколько для исследователей. Академический энтузиазм, возникший в ожидании всплеска интереса к этой эпохе, привел к появлению ряда серьезных исследовательских проектов. Один из таких проектов — сборник “Города империи в годы Великой войны и революции”, являющийся результатом одноименной конференции, состоявшейся в апреле 2015 года в Германском историческом институте в Москве при участии Европейского университета в Санкт-Петербурге (организатор — профессор университета Алексей Миллер)¹.

¹ Впрочем, стоит отметить небольшое, но любопытное расхождение в названиях. Если сборник называется “Города империи”, что подразумевает множественность исторических опытов изучаемых городов, то название конференции звучало по-русски как “Город империй” и отсылало, скорее, к самому феномену имперского города как целостного явления. См. программу мероприятия — URL:

“Города империи” представляют собой первую попытку сравнительного исследования истории Первой мировой войны и революции (вернее, революций) через призму локальной истории, а именно — городского пространства. Тринадцать историков из десяти стран прослеживают процесс разложения имперских структур власти, внутри которых существовали изучаемые ими города. Ввиду того, что “имперский поворот” в историографии последних двух десятилетий поставил в центр внимания историков упускаемую ранее из виду проблему “живучести” империи и ее недооцененной способности к адаптации, вопрос о том, как и почему она все же распалась, выглядит особенно важным. В этом отношении сборник помогает лучше понять, как уходила империя из городских центров и что приходило ей на смену. При этом крах Российской империи в качестве одной из аналитических рамок не отменяет того факта, что “империя” является отправной точкой

https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/Veranstaltungen/2015/Programm_2015-04-16_01.pdf (доступ 29.08.2017).

всего сборника. Все рассматриваемые города, от Варшавы до Тбилиси, объединяет их имперское прошлое: краткое у одних и более продолжительное у других.

Города империи представлены в сборнике неравномерно — в статьях прослеживается судьба как имперских столиц, Санкт-Петербурга и Москвы, так и небольших местечек вроде Новогрудка. Города некоторых частей империи, в частности ее северо-западных территорий, оказываются в привилегированном положении: им уделяется больше внимания, чем другим. Города других территорий не рассмотрены вовсе — примечательно, что самыми обделенными стали города собственно внутренних губерний. Таким образом, “города империи” — это скорее города имперских окраин.

Каждый рассматриваемый в книге город по-своему переживал драматическую эпоху войн и революций. Но, несмотря на различия, их опыт имел много общих черт. Изучая поведение жителей городов в условиях войны и смен политических режимов, авторы сборника затрагивают во многом схожие сюжеты и вопросы. Большинство из них обращают внимание, с одной стороны, на активную вовлеченность людей в эти события, а с другой — на их пассивность, желание остаться в стороне от происходящего и обезопасить себя от ежедневных рисков. Еще одной из ключевых тем является возникновение новых идентификационных конфигураций и новых лояльностей в результате изменения демографической структуры и социального порядка, а также частых смен власти.

Как мы видим из статей сборника, большинство городов оказались ареной борьбы национальных активистов, выступавших от имени разных национальных сообществ. Важно, впрочем, другое обстоятельство: национализм вовсе не являлся главной движущей силой распада Российской империи. Патриотические митинги, в ходе которых местные элиты и рядовые жители демонстративно заявляли о своей верноподданности, были характерны едва ли не для всех рассматриваемых городов на начальном этапе Первой мировой войны, хотя подобная форма диалога с властями часто предполагала полу-

чение практических выгод. Стремительное ухудшение санитарных и экономических условий повлияло на распад власти сильнее, чем объединение масс вокруг национальных идеалов. Впрочем, не все авторы сходятся во мнении относительно того, когда именно падение уровня жизни перешагнуло критическую черту и ресурс лояльности по отношению к власти иссяк как в центре, так и на местах.

Среди других сюжетов, в той или иной мере рассматриваемых авторами сборника, — проблема снабжения городов в кризисное время; рост цен и попытки контролировать его сверху; запрет алкоголя; наплыв в города беженцев и раненых солдат и появление многочисленных благотворительных организаций; инфляция и размывание самого понятия денег; распад социальных норм, регулирующих отношение к товарам и собственности; очереди и продовольственные бунты как повсеместное явление; этнизация политики и общественных отношений, которая привела к новому витку антисемитизма и борьбе с “немецким засильем”; небывалый рост преступности и насилия в 1917 году; роль слухов как важного источника информации и многие другие темы.

Взгляд “снизу” помогает авторам увидеть процессы, которые кажутся несущественными с общегосударственной или общенациональной точки зрения: например, как удавалось поддерживать организацию городской жизни в условиях фактического отсутствия государственной власти (либо наличия многих источников власти одновременно). Практически все авторы подчеркивают удивительную устойчивость учреждений городского самоуправления, усилиями которых обеспечивался минимальный уровень порядка.

Стоит отметить, что статьи сборника не придерживаются единой структуры. В силу различных исследовательских интересов, предпочтений и компетенций членов авторского коллектива акценты существенно варьируются от одной главы к другой. Некоторые авторы уделяют больше внимания политической истории, в то время как другие — экономической; для одних более важны военные действия, а для других — городская повседневность. Часть авторов опирается

преимущественно на первоисточники, а некоторые главным образом используют вторичную литературу. В ряде статей городская история рассматривается лишь в годы Первой мировой войны, а в других значительное место отведено описанию процессов, происходивших еще в девятнадцатом веке. Однако эти и многие другие различия не нарушают целостность книги, являющуюся ее несомненным достоинством.

* * *

Сборник открывает, в несколько анахроничной манере, статья Энн О’Доннелл, посвященная хозяйственной жизни Москвы. О’Доннелл прослеживает преемственность между экономическими практиками, сложившимися в военное время, и революционными программами более позднего периода. По словам автора, Москва была «клуббой», на которой «взросли» многие ключевые институты режима и его практики городского управления» (С. 20). Разрушение институтов власти и возникшая нужда в регулировании хозяйственных отношений привели к появлению разнообразных форм самоорганизации; самой распространенной среди них были домовые комитеты. Однако после прихода к власти большевиков эти комитеты были использованы в качестве низовых ведомств, обладавших информацией и технологиями управления на местах. В то же время городские власти, которые во время войны взяли на себя ответственность за отопление и обслуживание жилищного фонда, позднее расширили свой контроль над жилым пространством в рамках большевистской муниципализации. Одним из следствий этого стало перераспределение жилой площади, так называемое «уплотнение», связанное с размещением огромного количества чиновников, переезжающих в новую столицу. Экспансия государственной власти, утверждает О’Доннелл, приводила к ее эрозии: границы между государственным и негосударственным, официальным и неофициальным размылись (С. 46).

Происходившие в Москве революционные преобразования стали моделью для

остальных городов России, но главной ареной и вместе с тем главным участником революции был Петроград. В статье, посвященной имперской столице, Ян Кузбер пишет, что история этого города и история Российской империи «сливаются так тесно, как ни в каком ином отдельном случае» (С. 53). И действительно, для читателя, знакомого с российской историей, глава о Санкт-Петербурге/Петрограде/Ленинграде содержит, пожалуй, меньше всего новой информации. Провести грань между собственно «городским» нарративом и событиями государственной важности очень сложно. Тем не менее Кузбер локализует революционные процессы в городском контексте, концентрируя внимание на повседневной жизни города во время войны.

Очерк Игоря Нарского о городах Урала — единственная статья, посвященная городской истории целого региона. При этом сам автор признает, что административные границы географического понятия «Урал» в течение рассматриваемого периода не раз менялись, а опыт, пережитый на различных этапах военных и революционных потрясений этих лет, отличался от города к городу. Нарского интересует, насколько «модернизационными» были эти потрясения. Для ответа на этот вопрос он использует концепцию модернизации, разработанную нидерландскими социологами Гансом ван дер Лоо и Вилемом ван Рейеном, согласно которой модернизация выражается в дифференциации общественных структур и отношений, рационализации действительности, индивидуализации личности и освоении природы². Произшедшее на Урале, на его взгляд, полностью противоположно этим характеристикам. Вместо усложнения социальных структур произошел их распад и атомизация общества в условиях неконтролируемого насилия, вместо рационального объяснения реальности имело место ее иррациональное «расколдовывание», вместо освоения окружающей среды произошла утрата контроля над ней, что стало причиной голода и массовых эпидемий.

Если рассмотренные в сборнике внутрен-

2 См. русский перевод: Ван дер Лоо Х., Ван Райен В. *Модернизация. Проект и парадокс* // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 33–64.

ние города империи были ареной соперничества политических акторов, предлагавших различное видение будущего России, то города имперских окраин часто оказывались объектом притязаний сил, которые не только представляли противоборствующие политические группы, но и выступали от имени различных «отечеств». Единственным исключением здесь является описанная Гжегожем Бомбяком Варшава, чья «польскость» не оспаривалась ни российской имперской властью, ни немецкой оккупационной. Большинство авторов сборника обращают внимание на множественность сценариев и непредреженность перспектив для каждой из имперских окраин. Само возникновение национальных государств, согласно Карстену Брюггеманну, было «неожиданным и маловероятным исходом войны и революции» (С. 101). В своем удачном сравнительном анализе истории Риги и Таллина Брюггеманн подчеркивает необходимость преодоления национальных и этнических нарративов, в которых «некий «телеологический дух» ведет «нацию» к ... национальному государству». Автор признает, что это непростая задача, поскольку «до недавнего времени большая часть нашего знания поступала из работ с этническим уклоном» (С. 102–103). Брюггеманн ставит себе целью показать несхожесть происходивших в Риге и Таллине социальных и политических процессов, несмотря на то, что с имперской точки зрения различия между этими городами были едва заметны.

В центре внимания Теодора Вика в его статье о Вильнюсе — противостояние польской и литовской сторон вокруг города, который обе считали важнейшей частью своего исторического достояния и национальной территории. Несмотря на полиэтничность города, националистически настроенные элиты ожесточенно соперничали за этот важный культурный и политический центр, предлагая взаимоисключающие варианты его политической принадлежности и не желая идти на компромисс. При этом евреи, наиболее многочисленная группа населения Вильнюса, оставались в стороне от этой борьбы, стремясь обезопасить себя от антисемитского сентимента со стороны и тех, и других.

Способность городской истории оспорить конвенциональные исторические схемы подчеркивается и в статье о Новогрудке — самом маленьком населенном пункте из всех рассмотренных в сборнике. Ее автор, Александр Быстрик, стремится увидеть «детали локальной истории, обычно скрытые за большими историческими нарративами» (С. 238). Быстрик обращает особое внимание на конкурирующие образы Новогрудка, права на который предъявляли польские и белорусские националисты. Впрочем, описывая соперничество этих групп, в особенности их борьбу за контроль над школьным образованием, автор, как правило, предпочитает давать слово самим национальным активистам, опираясь на их периодические издания, но не исследуя вопрос о реальном влиянии националистов и о реакции на их деятельность горожан и жителей уезда³.

Хотя вышеперечисленные авторы критически относятся к национальным нарративам, они, однако, не отрицают значимость понятия «нации» для военного и революционного периода и отмечают мощную этнизацию местной политики. На этом фоне особенно поразительным примером выглядит Гродно, которому посвящена статья Андрея Чернякевича. Автор описывает удивительное разнообразие политических позиций и форматов государственного существования, представленных «на обозрение» городским элитам, так что одни видели будущее Гродно в составе России, под властью большевиков, другие допускали его включение в состав Польши, третьи склонялись к присоединению к Литве либо в качестве ее части, либо на правах особой белорусской автономии. Белорусские националисты отстаивали идею независимой Беларуси, но считали теоретически возможной ситуацию, в которой Гродно окажется в составе Украины. Впрочем, как утверждает Чернякевич, именно городское самоуправление было единственной реальной властью — настолько, что в речевой оборот вошло

3 Как показывает Тара Зара на примере Богемии, попытки национальных активистов вовлечь детей в национальные сообщества с помощью школьного образования далеко не всегда были успешными. См. ZAHRA T. *Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2008

название “Гродненская республика” (С. 231).

Сквозной темой для статей о северо-западных городах империи является немецкая оккупация и ее восприятие горожанами. Несмотря на первоначальный энтузиазм, с которым были встречены австрийско-немецкие войска, а также на заигрывание последних с национальными движениями, культурная и цивилизаторская миссия немцев на оккупированных территориях вызвала раздражение у местных жителей (хотя и приносила элементы порядка и стабильности в хозяйственную жизнь).

Юго-западная часть империи представлена четырьмя городами, три из которых находятся на территории современной Украины. Олену Бетлий, описывающую историю Киева, интересует прежде всего историческая урбанистика и городская политика. Она подчеркивает сложности, с которым сталкивается историк, изучающий городские события, следуя за логикой национального нарратива, поскольку это “не только бывает контрпродуктивно, но также оставляет за рамками повествования часто самые важные для населения вопросы” (С. 310). Бетлий видит своей задачей отойти от привычных для имперского воображения образов Киева как “матери городов русских” и проанализировать городские процессы во всей их сложности на богатом эмпирическом материале, объяснив тем самым, как вышло, что “русский Киев” стал центром украинской революции (С. 274). Опираясь на множество архивных источников, Бетлий тщательно исследует киевскую микрополитику в кризисное время, уделяя особое внимание институтам местного самоуправления, и тем самым успешно преодолевает ограничения, налагаемые традиционным нарративом. Описанный автором Киев начала двадцатого века представляет собой сложную систему взаимодействий различных социальных групп, политических сил и идейных течений, которая выходит далеко за рамки собственно украинской революции.

И все же ряд предпосылок историка, лежащих в основе статьи Бетлий, вызывают вопросы. Так, автор предлагает рассматривать Киев “в контексте колониального дискурса”, называя город “колонией, на которую распро-

странялась имперская политическая культура посредством русскоязычного культурного пласта” (С. 275). Автор утверждает, что политика Российской империи в отношении Киева (и, надо полагать, Украины) напоминала политику европейских империй в их колониальных владениях. В качестве примера Бетлий приводит фактический запрет региональным элитам занимать местные административные должности. Следует, однако, отметить, что подобная управленческая практика была характерна и для других регионов империи, в том числе — внутренних губерний⁴. Кроме того, отнюдь не все администраторы края были великороссами по происхождению, как можно подумать при чтении статьи (С. 276). Так, представители имперских элит малороссийского происхождения, Михаил Драгомиров и Владимир Сухомлинов (будущий военный министр, писавший на военные темы под литературным псевдонимом “Остап Бондаренко”), занимали высшую должность в администрации региона — генерал-губернаторский пост. Бетлий утверждает, что привнесенная имперским центром политика и последствия инкорпорирования Правобережной Украины были поверхностным явлением и не смогли оказать значительного влияния на местную жизнь, что подтверждается многотысячными украинскими политическими демонстрациями весны 1917 года (С. 300). Бетлий называет это эффектом “сброшенных оков” (С. 310) — риторическая фигура, отсылающая к старой метафоре “тюрьмы народов”. Такая постановка вопроса, представляющая киевские политические практики слабопроницаемыми для имперского влияния, изображает саму империю как нечто совершенно внешнее и наносное по отношению к Правобережной Украине. Однако вопрос о глубине имперского проникновения в Юго-Западном крае не может быть измерен количеством участников украинских политических митингов в первые месяцы после революции, каким бы внушительным это количество ни было. Распад европейских империй не столько обнажал “настоящие”, скрытые прежде идентичности,

4 ROBBINS R.G. *Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1987.

сколько формировал ситуативные лояльности в условиях дестабилизации власти. Исходя из этой логики, можно также не согласиться с автором по поводу того, что в 1917 году произошла “полная этническая самоидентификация горожан” (С. 287): выбор этнической или национальной идентичности делался не раз и навсегда и, можно полагать, далеко не всеми⁵.

В своей главе об Одессе Игорь Шкляев приходит к зачастую противоположным выводам. Одесса в годы Первой мировой, революции и Гражданской войны предстает совершенно пассивным и безразличным городом. В отличие от Киева, в Одессе на протяжении 1917 года не происходило ни серьезных политических стычек, ни массовых манифестаций (С. 353). Более того, население города не оказывало значительного сопротивления ни одной из воюющих сторон, которые захватывали власть в городе в это время. Объяснение подобного поведения одесситов, впрочем, не выглядит убедительным. Шкляев выводит “своеобразную аполитичность” жителей Одессы из некоей присущей им уникальной ментальности, которая также выражалась в их “импульсивном южном характере”, “особом чувстве юмора” и “способности к торговой деятельности” (С. 349). Автор неоднократно подчеркивает индифферентность обитателей города как к белым, так и к большевикам, утверждая, что меньше всего симпатии вызывали украинские власти. Впрочем, Шкляев говорит не только о равнодушии, но и об открытой враждебности. По его словам, в результате вооруженного конфликта между большевиками и украинизированными частями 1 декабря 1917 года (автор считает эти события попыткой силового захвата власти последними) “украинская национальная идея ... стала восприниматься как совершенно чуждая”, а “легитимность Украинской народной республики была поставлена под сомнение большинством населения города” (С. 355). Остается непонятным, какие источники позволили автору прийти к такому вы-

5 См., например, BJORCK J.E. *Neither German nor Pole: Catholicism and National Indifference in a Central European Borderland*. Ann Arbor (MI): University of Michigan Press, 2008; DRAGOSTINOVA T. *Between Two Motherlands: Nationality and Emigration among the Greeks of Bulgaria, 1900–1949*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2011.

воду о настроениях в Одессе этого периода.

Еще одно событие — казнь тридцати солдат и офицеров Добровольческой армии войсками Директории в январе 1919 года, упоминаемая в материалах деникинской “Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков”, — привела, как пишет Шкляев, к тому, что горожане, впервые столкнувшись с подобным злодеянием, стали относиться к Директории как к “террористическому режиму” (С. 361). И здесь автор тоже ничего не говорит о характере источников, на основании которых он делает подобный вывод. В связи с этим вызывает удивление фраза Шкляева о том, что военнопленных “порубили шашками”, хотя в материалах следствия, на которые он ссылается, речь идет о расстреле⁶.

Дмитрий Черный, один из редакторов сборника и автор статьи о Харькове, обходит вопросы лояльности горожан стороной, описывая общую картину истории города до прихода к власти большевиков. Черный изображает Харьков накануне войны как стремительно развивающийся город, рост которого был прерван войной. Вместе с тем Первая мировая дала мощный стимул ряду модернизационных процессов: от подъема промышленности до политической активности и самоорганизации горожан. Такие выводы будто бы противоречат рассуждениям Игоря Нарского, но лишь частично: в конце 1917 года, по словам Черного, процессы модернизации пошли вспять, поскольку город “испугался” набранного во время войны темпа (С. 345).

Кишинев находился в составе Российской империи с 1812 года — меньше, чем остальные города, рассмотренные в сборнике. Но авторы посвященной ему статьи, Светлана Сувейкэ и Вирджил Пысларюк, обнаруживают удивительную устойчивость имперской лояльности, которая не исчезла после падения монархии Романовых и вхождения Бессарабии в состав Румынского королевства в начале 1918 года и была заново актуализирована, когда местная автономия была упразднена

6 *Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков* / Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. (Ред.) Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004, С. 221.

румьинскими властями. Сувейкэ и Пысларюк посвятили существенную часть своей статьи кишиневской элите, “образованной в империи и для империи” (С. 401). Новая администрация относилась к ней с недоверием, а сама городская элита сохраняла приверженность несуществующей более империи как гаранту своего статуса — хотя бы на символическом уровне.

Последний рассмотренный в сборнике город — Тифлис/Тбилиси. Статья Владимира (Ладо) Вардосанидзе показывает, что многие из процессов, характерных для западных городов империи, имели место и на южной окраине. Вардосанидзе описывает превращение полиэтничного центра Кавказского местничества, в котором грузины уступали по численности армянам и русским, в национальную столицу Демократической республики Грузия. Он подробно описывает успех грузинского социал-демократического эксперимента, прерванного в результате прихода большевиков. Вардосанидзе ставит своей задачей представить общую историю города, но рассказ о Тбилиси как о городе нередко переходит в рассказ о Тбилиси как о столице государства, из-за чего локальная история местами подменяется историей государства, а национальный нарратив начинает доминировать над городским.

Помимо статей, посвященных отдельным городам, сборник содержит комментарии Питера Гэтрелла, Джошуа Санборна и Бориса Колоницкого, для которых материалы авто-

ров книги являются поводом поразмыслить о важных для них проблемах изучения этого периода (к ним можно отнести и вводную статью Алексея Миллера), а также несколько выделяющуюся из их ряда обзорную статью Леонида Бородинкина, посвященную вопросу о том, когда произошел «обвал» уровня жизни населения, повлекший за собой взрыв протестных настроений. Можно согласиться с Колоницким в том, что книга “скорее иницирует сравнительное изучение городов Российской империи в эпоху войн и революций, чем подводит итог этим исследованиям” (С. 511). На последнее, впрочем, сборник и не претендует. Географический и тематический охват книги неизбежно неполон, подходы авторов существенно отличаются, схожие сюжеты проанализированы неравномерно. Вместе с тем “Города империи” представляют собой безусловно удачную попытку исследования городской истории Российской империи и постимперского пространства в эпоху войн и революций в транснациональном ключе, которая позволяет преодолеть замкнутость конвенциональных исторических схем и предлагает взамен динамичную картину, более открытую для интерпретаций и нового знания.

Александр Поляничев